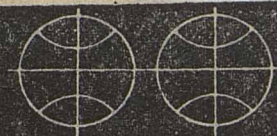

29 ЛЕК 1984

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

ЗА РУБЕЖОМ

КУЛЬТУРА
ИСКУССТВОМИР
В НЕСКОЛЬКИХ
СТРОКАХ

О ВРЕМЕНИ, О ЖИЗНИ, О СЕБЕ

Этим летом Москва рукоплескала прославленному театру из ГДР — «Берлинер ансамбль». Среди показанных спектаклей была и постановка классической пьесы основателя и вдохновителя театра Бертольта Брехта «Мамаша Кураж и ее дети». В главной роли москвичи увидели Гизелу Май — одну из ведущих актрис ГДР, знаменитую исполнительницу столь любимых Брехтом зонгов. Осенью она вновь приехала в нашу страну, на этот раз в качестве певицы: Гизела Май участвовала в мероприятиях Дней культуры ГДР в СССР.

Имя действительного члена Академии искусств ГДР Гизелы Май знают далеко за пределами ее родины, ее всестороннее дарование вызывает уважение и восхищение. Талантливая артистка, Гизела Май страстно и убежденно борется за самое ценное достояние человечества — мир.

Когда Гизела Май умудрилась на стоянке автомашин перед зданием «Берлинер ансамбль» наехать на чей-то автомобиль, присутствовавшие при этом коллеги по театру в полном восторге закричали: «Май может все!» Так называлась рецензия, в которой описывался триумф актрисы в заглавной роли популярного мюзикла «Хелло, Долли» в берлинском Метрополитен-театре.

Казалось бы, удивить уже было нечем: знаменитая драматическая актриса, известная по спектаклям столичного «Дойчес театер» и театра Брехта, по многим кинофильмам и телевизионным спектаклям, прославленная во всем мире исполнительница зонгов и песен, сумевшая к тому же выступить в главной роли Анны I в балете-драме «Семеро смертных грехов мешанина» Брехта—Вайля, Гизела Май вроде бы исчерпала все жанры, драматической актрисе доступные. Так нет, она неожиданно буквально ошеломила всех еще и в спектакле музыкальном. Действительно — «Май может все».

Таково первое впечатление. Потом начинаешь понимать истинную основу мастерства Гизелы Май. Однажды она говорила о том, что очень многому можно и должно научиться, кроме одного — быть Личностью. Гизела Май — прежде всего Личность. Это почувствовал рецензент одной мюнхенской газеты, писавший о выступ-

лении певицы: «Столь глубоко проникать в душу и разум слушателя могут только те люди, которые отстаивают то, о чем они поют». Мы называем это партийностью искусства. Май — актриса ярко выраженной политической направленности. Она член СЕПГ.

В 26 странах гастролировала Май за последние два десятилетия как исполнительница песен Эйслера, Дессау, Вайля и других композиторов (в том числе и ее давнего верного помощника, руководителя сопровождающего Май ансамбля Генри Кртчила) на стихи Брехта, Тухольского, Кестнера, Ведекинда и других поэтов.

Рождение Май-певицы было вроде бы случайным: в 1957 году ей пришлось срочно заменить заболевшую актрису на вечер, посвященный Брехту. Выступление оказалось таким успешным, что присутствовавший при этом Ханс Эйслер просто сказал: «Продолжайте в том же духе!». Однако за такой «случайностью» были годы работы на драматической сцене и годы жизни. В семье у Май царил тот особенный артистический климат, который создавал прежде всего отец — Фердинанд Май, широко известный в театральном мире не только как драматург и писатель, но и как человек, тесно связанный с политическим казаре. Пластинки с записями Эрнста Буша и знаменитой исполнительницы произведений Курта Вайля

Лотты Леня хранились в доме и звучали здесь даже в годы фашизма. Они стали первыми учебниками политграмоты и высокого песенного мастерства. Позднее Май назовет именно этих двух больших мастеров, а также Марлен Дитрих и Эдит Пиаф, среди тех, кто способствовал ее становлению как исполнительницы песен. (В последние годы она уделила большое внимание песням Жака Бреля).

Но Май не смогла бы сама оказаться в этом почетном ряду, не будь она драматической актрисой высокого класса. Это очень точно и тонко угадал знаменитый директор миланских театров Паоло Грасси, когда предложил Май выступить с вечером песен Брехта, хотя такой программы у нее в те годы просто еще не было. Она появилась несколько позднее, и не одна.

Но к тому времени за плечами Май была пестрая и нелегкая жизнь молодой актрисы. После разгрома фашизма Май играла на сценах Лейпцига, Шверина (где ее формированию весьма способствовала одна из знаменитых актрис рейнхардтовского театра Люси Хёфлих) и Галле. Вот тут-то и произошла знаменательная встреча Май с тогдашним руководителем «Дойчес театер» Вольфгангом Лангхофом, для которого было достаточно увидеть Май в роли Татьяны в горьковских «Мещанах», чтобы пригласить ее в Берлин. Здесь за 11 лет было сыграно 24 роли, различные по объему, но, что важнее, совершенно разные по «профилю».

В 1962 году Гизела Май принимает очень важное для себя решение: она становится актрисой прославленного «Берлинер ансамбль», где и работает по сей день. То не было обычной сменой театров. «Берлинер ансамбль» требовал от актера иной, подчас совершенно непривычной для него эстетики, систе-

мы игры в целом. Этому нельзя просто «выучиться», в это надо было поверить, в этом необходимо постоянно совершенствоваться, отыскивая свои подходы и пути к овладению сценическим образом (о чем интересно пишет сама Май, которая, ко всем способностям, очень хорошо владеет пером).

Первая же роль в новом театре оказалась едва ли не самой трудной: мадам Кабе, простая и уже немолодая парижанка, по сути дела, героиня брехтовских «Дней Коммуны». Но на сцене она появилась всего в нескольких эпизодах, хотя каждое из таких появлений значительно. В образе Кабе персонажировалось типичное поведение среднего человека в условиях завоеванной народом власти. Есть у этой парижанки нечто родственное с Кураж: самобытный шарм и значительная доза швейковского юмора. Во всяком случае именно так играла Май эту роль.

Следующей важной работой стал образ Копеcki в брехтовском «Швейке во второй мировой войне» (1962). Знаменитые эйслеровские зонги, для «Швейки» специально написанные, стали впоследствии непременной составной частью почти всех концертов Гизелы. Они же украсили и спектакль. Сказалась напряженная и плодотворная работа певицы с самим композитором, которого Май не случайно называет своим первейшим учителем.

В 1967 году Май исполняет эпизодическую роль домохозяйки в брехтовской «Матери» (в которой ее впервые увидел и советский зритель в 1968 году). Эта небольшая работа была дорога ей прежде всего тем, что позволила оказаться на сцене рядом с великой Еленой Вайгель, чья мамаша Кураж была (и остается) для Май величайшим событием, во многом решившим судьбу Гизелы. Возможность не только наблюдать за игрой Вайгель,

но и выступать с ней на сцене — большая школа.

Помню, во время беседы Вайгель с группой московских зрителей в 1968 году ей был задан вопрос: как она совмещает в своей брехтовско-горьковской Власовой перевоплощение в образ и, так сказать, оценку его уже самой Вайгель как актрисы, как человека нашего общества и нашего времени. Ответить на этот вопрос Вайгель не смогла. Вспоминается это в связи с мамашей Кураж — Май, ролью, которую она страстно хотела и очень боялась играть именно после классического воплощения ее Вайгель. В 1978 году давняя мечта Май стала реальностью, и мы теперь увидели эту работу и на московской сцене. Беседу с Вайгель я ставлю в связь с исполнением Май «Песни о Великой капитуляции». Исполнялась она по-иному, нежели в спектакле 1949 года: Май пела, оставаясь в образе Кураж, и в то же время точно оценивала поведение маркитантки.

Ведь один из новых в прочтении роли Гизелой Май моментов заключается в том, что зритель встречается не просто с антивоинским произведением, но и с драмой человека, совершившего в своей жизни главную и уже непоправимую капитуляцию перед по-мещански понимаемым «здравым смыслом». (Любопытно, что в 1978 году, когда международная обстановка была еще не столь напряженной, именно такое прочтение брехтовской пьесы доминировало; сегодня же, как мы убедились, именно антивоенная тема все же явно преобладает если не в самом спектакле, то в восприятии его зрителем). Кураж — Май — мать, но раскрывается это не в матерински чутком отношении к своим детям, а в своего рода умелом руководстве ими. Эта Кураж в гораздо большей степени женщина, уверенная в своей власти над мужчинами и не забываю-

щая об этом. Центральная идея роли воплощается Гизелой Май через очень сложную диалектику ее отношения к Кураж: она не столько осуждает маркитантку, сколько жалеет ее за то, что она ничему не научилась. Но Май (как и Брехт) надеется, что на таком примере много могут и должны научиться зрители.

Когда мы встретились за полчаса до спектакля (больше времени у Май никогда не было и не бывает), я спросил, что бы ей хотелось прочитать в строчках, ей посвященных.

— Обязательно напишите, что сегодня, как никогда ранее, мы, актеры, особенно актеры популярные, обязаны использовать огромную возможность своего воздействия на общественность, на аудиторию, перед которой мы выступаем. Наконец, просто на людей в повседневной жизни, в любой беседе. Это значит, что мы должны всеми нашими силами и средствами способствовать предотвращению той опасности, которая исходит прежде всего от США, — опасности всемирной ядерной катастрофы. Сегодня артист ответствен за многое...

Одна из любимейших песен в репертуаре Май — «Песня о мире» Брехта и Эйслера. Она трогательно проста, почти наивна, в ней слышится призыв детей планеты предотвратить войну. Сегодня Гизела Май завершает именно этой песней свои концерты. Как и тот особенно памятный ей концерт в Организации Объединенных Наций.

Да, «Май может все», но более всего ей по душе борьба за счастье людей, людей простых, обязанных мудро и решительно распоряжаться той великой силой, которой они наделены.

Виктор КЛЮЕВ,
кандидат искусствоведения.